

РЭЙ БРЭДБЕРИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Канун всех святых

МОСКВА
2016

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
THE HALLOWEEN TREE

© 1972, renewed 2000 by Ray Bradbury

Перевод с английского *М. Ковалевой*

Серия «100 главных книг (обложка)»
Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саюкова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Ellaerslie77 / Istockphoto / Thinkstock / Fotobank.ru

Брэдбери, Рэй.

Б89 Канун всех святых / Рэй Брэдбери; [пер. с англ. М. Н. Ковалевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с.

ISBN 978-5-699-86998-5 (100 ГК)

ISBN 978-5-699-68389-5 (Pocket book)

Такого дерева вы не видели никогда в жизни. Оно достигает вершиной небес, и растут на нем тыквы всех форм, размеров и цветов. Возле этого дерева вы встречаете странного господина по имени мистер Смерч, и он увлекает вас в чудесное путешествие, из которого вы вернетесь совсем другим человеком — если вернетесь...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)-44

- © М. Ковалева, перевод на русский язык, наследники, 2016
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*С любовью —
мадам Манья Гарро-Домеаль,
которую я встретил
двадцать семь лет назад
на кладбище в полночь
на острове Жаницио,
что на озере Пацкуаро,
в Мексике, и которую
я вспоминаю каждый год
в День мертвых.*

Тише-тише!.. Тихо, неслышно. Скользите, крадитесь.

А зачем? Почему? Чего ради? Как! Когда? Кто! Где началось, откуда все пошло?

— Так вы не знаете? А? — спрашивает Череп-Да-Кости Смерч, восставая из кучи сухой листвы под Праздничным деревом. — Значит, вы совсем ничего не знаете?

— Ну-у... — отвечает Том-Скелет, — это... не-а.

Было ли это в Древнем Египте, четыре тысячи лет назад, в годовщину великой гибели солнца?

Или — еще за миллион лет до того, у горящего в ночи костра пещерного человека?

Или — в Британии друидов, под сссссвистящщщщие взмахи косы Самайна?

Или — в колдовской стае, мчась под средневековой Европой — рой за роем, ведь-

Рэй Брэдбери

мы, колдуны, колдуньи, дьявольские отродья, нечистая сила?

Или — высоко в небе над спящим Парижем, где диковинные твари превращались в камень и оседали горгульями и химерами на соборе Парижской Богоматери?

Или — в Мексике, на светящихся тысячами свечей кладбищах, полных народом и крохотных сахарных человечков в El Día Los Muertos — День мертвых?

А может, где-то еще?

Тысячи огненных тыквенных улыбок и вдвое больше тысяч только что прорезанных глаз — они горят, подмигивают, моргают, когда сам Смерч ведет за собой восьмерку охотников за сладостями — нет, вообще-то их девять, только куда девался Пифкин? — ведет их за собой то в вихре взметенной листвы, то в полете за воздушным змеем, выше в небо, на ведьмином помеле — чтобы выведать и поведать тайну Праздничного дерева, тайну Кануна всех святых.

И они ее узнают.

— Ну-с, — скажет Смерч в конце стран-

ствий, — что это было? Сласти или страсти-мордасти?

— Все вместе! — решили мальчишки.
Сами увидите.

1

Это был маленький городок на маленькой речке возле мелкого озера в дальнем уголке одного из штатов Среднего Запада. Не так уж много было кругом деревьев, чтобы городок совсем было не видеть. Зато и домов было не так уж много, чтобы за ними не было видно леса. В городке было полно деревьев. И вдоволь сухой травы и опавшей листвы — ведь на дворе уже стояла осень. И вдоволь заборов, по которым так здорово бегать, и дорожек, чтобы раскатываться по льду, а еще — громадный овраг, чтобы кубарем скатываться вниз или перекликаться с кем-то на то-о-ом берегу. И в городке было полным-полно...

Мальчишек.

И это было под вечер, накануне Дня всех святых.

В домах все двери крепко затворены от сквозняков.

И весь городок залит до краешка негреющим солнцем.

Но вдруг — дня как не бывало.

Откуда ни возьмись, выползли из-под каждого дерева ночные тени и все заполнили.

Во всех домах за запертыми дверьми поднялась кутерьма, беготня на носочках, мышинные шорохи, крики шепотом, замелькали летучие огоньки.

За одной такой дверью тринадцатилетний Том Скелтон остановился и прислушался.

Снаружи ветер гнезвился в каждом дереве, подкрадывался по всем дорожкам сразу, незримый, как кошка-невидимка.

Тома Скелтона пробрала дрожь. Всякому ясно, что ветер нынче совсем особенный и темнота необыкновенная — потому что настает Канун всех святых. Кажется, что все вокруг вырезано из мягкого черного бархата или из золотого, из оранжевого бархата. Дымок поднимается из тысяч труб клубами — точь-в-точь, как плюмажи на упряжке в похоронной процессии. Из кухонных окон сочится двойной аромат, хо-

рошо различимый: вот свежие тыквы, только что взрезанные, сочные, а вот пироги с тыквенной мякотью.

Крики за запертыми дверьми становились все отчаянней, а тени мальчишек металась за окнами. Еще не натянув до конца свои костюмы, размазывая по щекам жирную краску: вон там горбун, а вон — великан-недомерок. Все еще продолжался штурм и грабеж чердаков, замки сбивали, а древние бабушкины сундуки потрошили в поисках маскарадных нарядов.

Том Скелтон облачился в свой костяной доспех.

Он улыбался во весь рот, прилаживая позвоночник, грудную клетку, коленные чашечки — белые, нашитые на черный бархат.

«Вот повезло-то! — подумал он. — Удачное имя тебе досталось! Том Скелтон! Прямо к празднику! Тебя ведь все дразнят Скелетом! Значит, что тебе лучше всего надеть?»

Костюм Скелета!

Бам! Восемь входных дверей с грохотом захлопнулись.

Восемь мальчишек разом великолепно-

ми прыжками преодолели цветочные бордюры, перила, живые изгороди, кусты — и приземлились каждый на своем накрахмаленном морозцем газоне. На всем скаку, на бегу они заворачивались в простыню или поправляли наспех нацепленную маску, натягивали диковинные, как шляпки невиданных грибов, шляпы или парики, орали во все горло вместе с ветром, толкавшим в спину, так что они неслись еще быстрее, во всю прыть, — какой славный ветер, ах ты! — выругав страшным мальчишечьим проклятием маску за то, что она съехала, или зацепилась за ухо, или закрыла нос, сразу заполнившись запахом марли и клея, горячим, как собачье дыхание. А может, просто дать волю бьющему через край восторгу — просто быть живым, бежать куда-то в этот вечер, набирая полную грудь воздуха и во все горло вопя, вопя... вопя-а-а-а!

Все восемь мальчишек столкнулись на одном перекрестке.

— А вот и я: Ведьма!

— Обезьяночеловек!

— Скелет! — сказал Том, едва не выпрыгивая от радости из своих костей.

— Горгулья!

— Нищий!

— Сам мистер Смерть!¹

Блям! Они столкнулись и отлетели как мячики, никак не могли сразу распутаться, разобраться в веселой неразберихе рук и ног, под уличным фонарем. Фонарь на перекрестке раскачивался под ветром, гудя, как соборный колокол. Плиты уличного тротуара превратились в доски пьяного корабля, уходящего из-под ног, то поглощаемые тьмой, то вынырывающие на свет.

Каждая маска скрывала мальчишку.

— Ты кто? — ткнул пальцем Том Скелтон.

— Не скажу! Тайна! — крикнула Ведьма петушиным голосом.

Все покатались со смеху.

— А это кто?

— Мумия! — крикнул мальчишка, запереленутый в пожелтевшие от старости тряпки и похожий на сигару, ковыляющую на одном кончике по ночной улице.

— А ты?

¹ В английском языке «смерть» — мужского рода.

— Да некогда же! — завопил Некто, Скрытый за Таинственным Облачением из Расписанной Марли. — Сласти или страсти-мордасти!

— Урра-а!

С воем, визгом, воплями они неслись, как счастливые бесенята, куда угодно, только не по дорожкам, перелетая через кусты и приземляясь почти на спину перепуганным собакам, которые улепетывали с визгом.

Но вдруг они словно натолкнулись на что-то среди всего этого визга, хохота, лая, на полном скаку — словно гигантская ладонь ночи и ветра — предчувствия беды — накрыла их и остановила.

— Шесть, семь, восемь...

— Не может быть! Считай снова!

— Четыре, пять, шесть...

— Нас должно быть девять! Кого-то нет!

Они принюхивались друг к другу, как перепуганные зверята.

— Где Пифкин?

Как они догадались? Ведь все они скрывались за масками. И все же... и все же.

Они почуяли, что его с ними нет.

— Пифкин! Да он же тыщу лет не пропускал Канун! Вот ужас-то! Бежим!

Круто развернувшись, они побежали собачьей побегжкой, рысцой, вдоль по мощенной камнем улице, словно листья, гонимые ураганом.

— Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом-то и вправду Пифкина, только вот не хватает в окнах тыквенных голов, на крыльце — кукурузных снопов, маловато призраков, глазеющих сквозь темные стекла в самой высокой мансарде.

— Ой, — сказал кто-то, — а вдруг Пифкин заболел?

— Без Пифкина праздник — не праздник!

— Не праздник! — простонали все.

Тут кто-то бросил дикое яблочко в дверь дома. Оно тукнуло еле слышно — будто кролик лягнул дверь лапкой.

Они стояли и ждали, невесть от чего погрузневшие, как в воду опущенные. Все их мысли были о Пифкине и о празднике, который может превратиться в гнилую тык-